

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КЕН КИЗИ

Песнь моряка

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 38

Ken Kesey
SAILOR SONG
Copyright © Ken Kesey, 1992
This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Фаины Гуревич
Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Кизи К.

К 38 Песнь моряка : роман / Кен Кизи ; пер. с англ. Ф. Гуревич. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-15409-4

Кен Кизи — «веселый проказник», глашатай новой реальности и психоделический гуру, автор эпического романа «Порою блажь великая» и одной из наиболее знаковых книг XX века «Над кукушкиным гнездом». Его третьего полномасштабного романа пришлось ждать почти тридцать лет — но «голос Кена Кизи узнаваем сразу, и время над ним не властно» (*San Jose Mercury News*). Итак, добро пожаловать на Аляску, в рыбацкий городок Куинак. Здесь ходят за тунцом и лососем, не решаются прогнать с городской свалки стадо одичавших после землетрясения свиней, а в бывшей скотобойне устроили кегельбан. Бежать с Аляски некуда — «это конец, финал, Последний Рубеж Мечты Пионеров». Но однажды в Куинак приходит плавучая студия «Чернобурка»: всемирно известный режиссер Герхардт Стюбинс собрался сделать голливудский блокбастер по мотивам классической детской повести «Шула и морской лев», основанной на эскимосских мифах. Куинакцы только рады — но Орден Битых Псов, «состоящий из отборной элиты рыбаков, разбойников, докеров, водил, пилотов кукурузников, торговых матросов, хоккейных фанатов, тусовщиков, разуверившихся иисусиков и выбракованных ангелов ада», подзревает что-то неладное...

«Измумительная, масштабная, с безумными сюжетными зигзагами и отменно выписанная работа. Да возрадуемся» (*Chicago Sun-Times Book Week*).

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ф. Гуревич, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-15409-4

*Для Фэй,
кто
глубокий киль в бурю
полярная звезда во тьме
товарищ по команде*

Оглавление

1. Сон о Джинни и легкость в сером веществе	9
2. Свиная история, утиные желоба и полотенце, пропитанное ромом ..	19
3. «Чернобурка» с крыльевым парусом, ЖЖЖ-ЗЗ и ручная пурга ...	29
4. Барышни в беде, демоны прошлого, яхты будущего	49
5. Полоса грязи, застрявшая в горле	57
6. Лай на всех, гав-тяв безумству	75
7. Что хочешь ты, с огнем в глазах, С седую бородой?	97
8. Держи полетную скорость, хук и под дых	122
9. Потлач вот, один на всех, Бух в костер — и нет его	165
10. О, злой колючий куст, Ты больно сердце ранишь... Уйду, пусти, прощай, колючий куст, Обратно не заманишь... ..	212
11. Щелчок хлыста — и зверь отпрянул... ..	250
12. Алиса в Застеколье	275
13. За лодки, что в море, и женщин на суше	297
14. Прямо с полюса, внезапный, как гарпун	323
15. Мы сердце собаке терзать отдаем?	348
16. Человек решает в уме задачу, Покупает свободу, считает сдачу, Но вверяет ветру свою удачу И зовет волну лучшим другом	362
17. Угнетенные млекопитающие расширяют среду	375
18. Дестри снова в седле	381
19. Сходи с ума, а не ходи на цыпочках	407
20. Берегись, дерьмо, идет воздуходув	422
21. Блэджекотдача!	461
Приложение	506

А Иисус моряком был
Когда брел пешком по водам
Наблюдал он очень долго
С одинокой дальней мачты
И лишь только убедился:
Его видит тот, кто тонет, —
Моряками стать велел всем
Пока море не отпустит
Только сам он надломился
Не успело небо лопнуть
Почти смертный, всеми брошен
В твою мудрость погрузился
Камнем он¹.

Леонард Коэн

¹ Цитируется песня Леонарда Коэна «Сюзанна» («Suzanne», 1966), перев. М. Немцова. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

1

Сон о Джинни и легкость в сером веществе

Айк Саллас спал, когда это началось, — в красной алюминиевой «Галлактике» довольно близко и чуть-чуть в будущем. То были лучшие времена, то были худшие времена¹ — и это было только начало.

Ему снилась Джинни, бывшая жена, как хороша она была во Фресно, в те запорошенные пылью дни — в ясные простые дни, когда еще не появились на свет их ребенок и движение Отдачи.

Когда еще не наступило десятилетие, которое потом назовут Лихие Девяностые.

Там, во сне, Айк возвращается после смены в 3-ЗИ, после возни с дросселями, и видит в свете утреннего солнца Джинни, как она сидит голышом за столиком для завтрака. В поле за окном работают культиваторы, мигают, взлетая и падая, лопасти-лезвия. Мутный туман еще висит в утреннем воздухе.

В те платиново-обольстительные времена лицо Джинни еще умеет выражать удовольствие. Угловой столик для завтрака был ее любимым местом в доме, так она всегда говорила, — не считая, разумеется, койки. Джинни, Джинни...

Она читает вслух бабушкину Библию. Библию в переплете из мягкой белой замши. На носу у Джинни темные очки для чтения, волосы выпрямлены утюжком, на голове шляпа, как у Салли Филд из «Летающей монахини». Ее любимый ситком, из тех,

¹ Цитата из исторического романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах» (*A Tale of Two Cities*, 1859), посвященного событиям накануне и во время Великой французской революции.

что она никогда не пропускала, — после, разумеется, «Я мечтаю о Джинни»¹.

Шляпа как у монашки, темные очки и этот восхитительный поток платиновых волос на плечах, словно льняная мантилья, блеек книги у нее в руках. И больше ни одной нитки.

Айк видит, как шевелятся ее губы, но слышит лишь далекий гул поливочных самолетов и где-то совсем вддали тонкий сдавленный получеловеческий плач.

Эта живая картинка кажется ему печальной карикатурой: чисто американский столик для завтрака, религиозный мотив, то, как она прижимает к телу книгу — слишком близко, могла бы водить по тексту соском. Что-то нелепое и обидное в этой сцене, как насмешливо наставленный палец.

Чтобы не засмеяться над этим сном, он кричит на жену, как-то вроде: «Что за дерьмо, прекрати стриптиз! Брось эту дурацкую книгу и сними мудацкую шляпу, что за нелепый маскарад!»

Но и она, кажется, его не слышит, заточённая там, в конусе солнечного света. Она не поворачивает головы. Она облизывает подушечку пальца и перелистывает страницу, губы снова шевелятся. И Айк чувствует тот, другой проклятый наставленный палец. Он снова кричит, но ругательства лишь вспыхивают и отскакивают от этого ее конуса, точно маленькие градины. Он поворачивается к книжной полке, где на месте Библии остался свежий зазор. Старый «Моби Дик» в кожаном переплете — вот его бомба. Айк выхватывает его из нижнего ряда, поворачивается и одним точным броском отправляет в полет. Тяжелый стук — и яркая живая картинка становится подводно-серой. Солнечный уголок во Фресно оборачивается льдистым рассветом на Аляске, в допотопном трейлере, долгие годы спустя. Где-то в этой серости слышится снова безвоздушный плач, далекий и смутно женский. Затем тишина.

— Маскарад, — говорит Айк вслух. — Прекрати.

Повернувшись к тумбочке, он смотрит на будильник. До встречи с Гриром в доках еще несколько часов. Спать. Но едва он закрывает глаза, чтобы обдумать сон, как тут же чувствует: что-то бьется

¹ «Летающая монахиня» (*The Flying Nun*, 1967–1970) — американский комедийный телесериал с Салли Филд в главной роли, транслировался на ABC. «Я мечтаю о Джинни» (*I Dream of Jeannie*, 1965–1970) — фантастический sitcom американского писателя и продюсера Сидни Шелдона; в нем герой-астронавт находит кувшин, из которого появляется девушка-джинн — платиновая блондинка, несмотря на ближневосточные аллюзии в сюжете.

о трейлер, совсем близко и совсем наяву! Холодный воздух заполняет легкие, Айк высовывает руку из заклеенного на липучку мешка и нащупывает Тедди. Тедди — это пистолет двадцать второго калибра от «Хай-Стандарт», который он держит под подушкой.

— Грир? — Выдох в застылом воздухе. — Кóбрад, это ты? Марли? Марли, это ты, придурок?

Стук прекращается. Сжав теплый ствол, Айк выпрямляется и тянется к окну над койкой. Слишком грязное, ничего не видно. Он берется за алюминиевую ручку, поворачивает, и рама слегка отходит. Стук возобновляется, прямо под окном.

Не выпуская рукоять пистолета, Айк коленом раскрывает спальник и сует обе ноги в унты.

— Грир? Марли?

Нет ответа. На ковре из овчины перед пропановым обогревателем виден темный бугор. Это дрыхнет старый Марли, недоступный миру, как и призрак, в честь которого он назван. Грир, наверное, где-то гуляет — «кутит с телками», как это у него называется. Редкое развлечение в наши дни. Когда ООН своими прививками уничтожила СПИД в самом источнике — грязном члене, — она, похоже, убрала и большую часть потребностей, благодаря которым эта болезнь возникла и распространилась. Мужская прыть остыла и с тех пор не восстановилась. Грир, однако, исключение. То ли он открутился от прививочного десятилетия в джунглях своей Ямайки, то ли его половая потребность, мощь его козлиной силы, оказалась столь высока, что выстояла, если можно так сказать, в борьбе с побочным эффектом вакцины.

Обогнув спящую собаку, Айк прощупывает перегородку своего трейлера и находит фонарь. Отключает его от розетки и цепляет к эластичному поясу термоштанов. Глубоко вздохнув, рывком распахивает дверь и пинает решетку. Двадцать второй калибр наготове в правой руке, левая вынимает из-под ремня фонарь — движения плавные, словно у вооруженного двумя стволами *pistolero*¹ давних времен. Когда фонарь поднят наполовину, а пистолет еще стоит на предохранителе, ошеломленным глазам Айка предстает зрелище.

Второй раз за этот день он чувствует тычок наставленного пальца.

У основания алюминиевых ступенек сжалось в комок нечто. От толчка решетки оно поднимается вертикально и достает человеку примерно до пояса. Идеальный рост для демона. На глазах

¹ Наемный убийца (*исп.*).

у очумевшего Айка нечто начинает вальсировать на задних лапах, задрав передние и помахивая ими, словно предлагая некую непристойность. Средняя часть у нечто практически отсутствует, темная дыра под ребристой грудью прокачивает воздух. Задние лапы похожи на сломанные палки, заляпанные кровью с колючками. Длинный тощий хвост держит равновесие, болтаясь туда-сюда, как у ящерицы.

Зато *голова* этого проклятого замораживает воздух у Айка в горле. Выше плеч у твари гладко, лысо, ровно и безупречно. Айка моргает, застыв на месте и чувствуя себя в некотором смысле реабилитированным. Это не сон, это угробиче реально. Реально! Нечто в себе, вот оно наконец-то, порождение ада и творение человека одновременно, прямо перед ним... противоестественный плод наглого вмешательства, как в классическом хорроре «Человек-невидимка», когда Клод Рейнс нагло влез в То, Что Человеку Лучше Оставить в Покое¹.

Айк нащупывает переключатель фонаря, и при свете зрелище становится еще ужаснее. Голова у гнусной твари все такая же гладкая, ровная и без складок, точно хромированная, но в луче света видно, что глаза и рот на ней есть. Они различимо пульсируют под стеклянной оболочкой в какой-то внутриутробной слизи. Угробичное порождение, несомненно, — изыди! Но как только прицел совмещается с мушкой, тварь резким пируэтом обретает сущность. На боку цилиндрической головы Айк видит ободранную наклейку:

**ЧШИЙ СОУ
ЯЩИЙ МАЙО
КИЙ ХОЛЕ**

— Черт, это же кошка — голова застряла в майонезной банке.

Тем же резким пируэтом кошка поворачивается на звук, все еще на задних лапах, цилиндрическая голова резко дергается назад. Видимо, только эта мучительная поза и позволяет животному держать горло открытым, чтобы туда попадал воздух.

¹ «Человек-невидимка» (*The Invisible Man*, 1933) — экранизация одноименного романа Герберта Уэллса, поставленная режиссером Джеймсом Уэйлом на студии *Universal Pictures*. Англо-американский актер Клод Рейнс исполнил там заглавную роль. «То, Что Человеку Лучше Оставить в Покое» — парафраз цитаты из этого фильма; она звучит несколько раз, и это последние слова Человека-невидимки.

— Повезло тебе, кузина. — Айк откладывает пистолет. Опускает колено на усыпанную ракушками землю. — И давно ты так гуляешь? Давай я тебя обним... черт!

Животное принимает вытянутую руку Айка всеми четырьмя и тут же обдирает оба предплечья от локтей до кончиков пальцев. Айк ругается и спихивает тварь на землю. Кошка запрыгивает обратно. Айк спихивает ее на землю опять и быстро хватает, чтобы не успела подняться. Зажав в кулаке скользкий мех, прижимает тварь к ракушкам, замахивается фонарем, как рыбной дубинкой. Но животное больше не дергается. То ли потеряло сознание, то ли эти когтистые приступы ярости его вымотали. Айк тоже перестает злиться, опускает фонарь и принимается осторожно стучать по банке. Стекло наконец трескается, но слизь удерживает осколки на месте. Они расползаются медленно, словно яичная скорлупа с вылупившегося птенца.

Появляется голова, распухшая по форме банки, зубы почти проткнули кожу губ, прижатых к стеклу, к вмятине на макушке прилипли уши. Краем фонаря Айк отлепляет осколки, освобождая сначала рот, потом ноздри. Во время процедуры кошка лежит неподвижно, только хватая воздух. Наконец нижняя часть морды чистая, и Айк выпускает из кулака мех, намереваясь стереть с кошачьих глаз остатки протухшего салатного соуса. Едва почувствовав свободу, тварь снова бросается в атаку на руку Айка, теперь не только когтями, но и зубами.

— Ты склизкая вонючка!

Айк отпихивает кошку. Та перекатывается на четыре лапы и с воем кидается опять. Айк толкает ее, но пока несильно. Кошка взбирается по ноге и метит лапой прямо в лицо. Айк отпихивает ее и снова бросает на землю. Кошка разворачивается, но теперь Айк пускает в дело унту, пиная скользкий мяч так, словно вознамерился забить гол с пятидесяти ярдов. Тварь летит над ракушечными обломками, завихряясь и воя. Достигнув земли, она продолжает движение вокруг баллонов с пропаном, через папоротник, вверх на валуны, к соснам. Злобный камень, который Айк швыряет ей вслед, будит спавшее в кустах трио ворон. Они взмывают спиралью, хрипло ругаясь на кошку за это безобразие. Оставив ворон разбираться с тварью, Айк тяжело прислоняется к поленице, чтобы перевести дух.

И тут, словно занудный повтор в занудной комедии, он снова слышит крик. Теперь это точно не кошка: крик доносится с проти-

воположной стороны, из-за свалки, тонкий, придушенный и — Айк в этом уверен — женский.

— По-мо-ги-и-и-те.

По голосу похоже на дочку Лупов, Луизу. Айк хмуро вслушивается. Мужская половина Лупов нередко устраивала по ночам шум на этой городской окраине: они ругались и дрались, хрюкая при этом не хуже свиней, которых у себя выращивали, — особенно если добивались перед тем грандиозной победы в кегельном турнире на дорожках папы Лупа в центре города. Но Айк не слышал сегодня о турнирах — не приходилось ему слышать и подобных воплей от девушки. Она держалась провокационно, но спровоцировать на скандал ее саму было трудно; девица корявая — да, но не крикливая.

— По-мо-ги-и-и-те кто-ни-и-и...

Вопль резко задохнулся. Айк тоже задерживает дыхание. Тихое утро. Только ноет на отмели свистун и три вороны на пригорке все еще гоняются за кошкой. Больше ничего. Он вслушивается целую долгую минуту, не дыша. Наконец набирает воздух: надо садиться в фургон и ехать проверять. Он тащится вдоль трейлера и видит, что фургона нет. Зато есть старый джип соседа.

— Черт бы тебя побрал, Грир.

Хрустя ракушками, Айк подходит к зачехленному драндулету, стаскивает с капота брезент. Сиденье обито иномеем.

Айк начинает заводить двигатель. Пять раз, напоминает он себе; потом дать отдохнуть. Не залить. Еще пять раз и еще отдохнуть. Высасывая из аккумулятора последние крохи, четыре цилиндра дымятся жадой жизни. Айк катится вниз на все еще холодном моторе.

Чтобы поддержать хилый аккумулятор, он не зажигает фары. Дорогу к свалке он находит по запаху дыма. Горы тлеющего мусора проплывают сбоку, похожие на миниатюрные вулканы, вполне действующие и мерцающие огнями — оранжевыми, зелеными и метаново-синими. Свалка тлеет уже не один десяток лет. В девяносто третьем жители города надеялись, что сумасшедшая зима наконец-то ее заморозила, но пришел июнь, солнце растопило ледяную раковину, и оказалось, что пожар все так же тлеет в магме мусора, такой же мерзкий.

Айк задирает губу, пытаясь дышать сквозь усы и фильтровать таким способом воздух. Вообще-то, он ничего не имеет против свалки — она служит пограничным рвом между ним и остальным

городом. Но в последнее время сюда все чаще свозят конфискованные дрейфтерные сети, сделанные в основном из китайского молекумара. Эта дрянь воняет, как прогнившие династии.

Рыча мотором, Айк минует дымящиеся горы так быстро, что едва не проскакивает поле боя, откуда и раздавались отчаянные крики. Он ухватывает взглядом призрачный бежевый силуэт «хонды-геркулес», припаркованной задом к одному из многочисленных отростков свалки: двери нараспашку, свет в салоне рисует застывшую картинку переплетенных человеческих конечностей.

Айк тормозит, машина идет юзом, он включает задний ход, зажигает фары. Разворачивается и сдает назад до тех пор, пока в лучи фар не попадает запутанная арабеска. Внутри, за раскрытой задней дверцей фургона, возвышается, надо понимать, верхняя часть Луизы Луп. Белое круглое лицо плавает праздным воздушным шаром над парой вздымающихся грудей — три светящихся круга, словно лого над дверью захудалого порноломбарда на Мясной улице. Затем круги резко исчезают из виду, и Айк различает голую мужскую спину. Мускулистые плечи, белые, как те груди, трясутся от ярости.

— Эй, отпусти ее!

Не выключая мотор, Айк выпрыгивает из машины. Орудия фонарем, как пикой, продирается через груды мусора. И только почти добравшись до парочки, он оценивает силу мышц на этой белой спине, плечах и вспоминает о пистолете, оставленном на ступенях трейлера.

— Эй, ты! Отпусти ее!..

Мужчина будто не слышит. Айк не видит его лица, но догадывается, что мужик не в себе. Значит, скользкого ублюдка придется хватать руками.

— Эй, — Айк подцепляет голый локоть, — отвали, пока не придушил бедную цацу. Отвали!

Тело под его рукой такое же скользкое на ощупь, как и с виду, но Айк держит его до тех пор, пока мужик не вываливается из транса. Плечи расслабляются, дрожь стихает. Не выпуская женского горла, мужик медленно поворачивает голову и подставляет под фонарь физиономию, почти столь же чумную, как и та, что недавно торчала в майонезной банке. Абсолютно гладкая и белая. Ни бровей, ни ресниц. Глаза и рот цвета лососевой икры. Яркий фарфоровый лоб обрамляет грива волос еще ярче, похожая на хром, как ни посмотри, расплавленный угрибищный хром!

— Господи! — Айк отшатывается. — Господи Исусе!

Икорный рот раздвигается в смущенном мурлыканье:

— Звиняй, чувачок, я не исусе. — Мужик как ни в чем не бывало отворачивается и продолжает то, что не успел закончить, — душить потерявшую сознание женщину, лишь добавив углом рта будливо и запоздало: — А это не цаца, а моя жена, ха-ха-хмммм...

Айка сшибает даже не это как-ни-в-чем-не-бывалое душегубство, а тон. Знакомый, осточертевший хихикающий тон. Айк наслушался его в тюрьме — этого панибратского, между-нами-говоря тона, который всегда несет в себе яд оскорбления и одновременно оттенок близости: «Эй, мужик, ну ты понял, ха-ха-ха». Придется хватать его снова. Айк откладывает фонарь, вцепляется обеими руками в длинную гриву белых волос, разметавшихся у мужика вокруг шеи (как воротник у дзюдоиста), разворачивается, прижимается спиной к его спине, потом швыряет. Длинная серебристая фигура прокатывается у Айка над головой и растягивается на куче мусора мокрой тряпичной куклой. Айк выпускает волосы и застывает на месте, переводя дыхание. Самые храбрые из Луповых кабанов уже высунулись из своих дымных гротов и с любопытством озирают место конфликта — если что-то падает на землю с такой силой и чпоканьем, оно обычно там остается и, бывает, годится в пищу. На секунду Айку хочется, чтобы мужик оказался мертв — чистый труп, дело сделано.

Серебристое тело перекатывается и с трудом встает на четвереньки. В свете фар оно неожиданно выглядит хрупким и хлипким, как поганка. Мускулы на торсе снова дрожат, но теперь как-то бесполезно. Мужик поднимается на колени и с мольбой складывает перед собой длинные белые руки:

— Не надо, не бей, все уже нормально. Ты же знаешь, как это. — Рот растягивается в улыбке, но теперь мужик не хихикает. — Ну, понесло. Ты ж должен понимать: столько лет... идешь через весь город, думаешь, как оно будет: слезы, лунный свет, одиноко сидит у окошка... а тут машина у помойки, и какой-то клоун-регги ее дрючит... вот и понесло. Но я уже в норме. Не надо, не бей.

— Я тебя и не бил, вообще-то.

— Ну и сейчас не бей. Я в норме, и я извиняюсь. Окей?

Мужик все стоит на коленях, покаянно заламывая руки. Айк уверенно смотрит вниз. Раскаяние выглядит настолько наигранным, что трудно не увидеть в этой сцене постановку.

— Ладно, прощаю. Вставай.

Мужик не встает. Он все так же на коленях и все так же покаянно заламывает руки. В тенях хрюкают свиньи, полны сострадания. Джип за спиной Айка кашляет, давится и затихает, мутные фары резко гаснут. Каркает ворона. Затем дальше по дороге клацает, открываясь и захлопываясь, дверь дома Лупов, в консервных банках слышны шаги. Аик надеется, что это Грир — выползает из укрытия, когда опасность миновала. Но легкое дуновение в подвешенном дыме указывает, что это не Грир. Это папа Луп. Его кегельбанскую походку не спутаешь ни с чем. Омар Луп ходит медленно, прицельно сгорбившись, словно сейчас отправит грохочущий шар на последний кегельный ряд и тем добудет себе очередной кубок.

— Это ты, что ли? — Луп пыхтя приближается к стоящему на коленях мужику и не обращает внимания на Айка. — Ребята говорили, что ты вроде как опять на территории, только я в то не поверил. Сказал им, что у тебя хватит ума. Сплоховал, выходит, — зато теперь будет плохо тебе. Предупреждали тебя, красноглазый козел, что мы... звини, Саллас, — Луп отодвигает Айка в сторону, занимая позицию поудобнее, — что с тобой будет, если явишься обратно приставать к Луизе. Семья своих не сдает.

После чего мужик получает по физиономии — хруст, короткий действенный апперкот со всей силы, на которую еще способны согнутые ноги и кегельбанская спина. Голова трещит, и чужак со стоном валится на землю. Папа Луп замахивается для нового удара, но Аик выступает вперед:

— Эй, Омар. С него хватит...

— Его предупреждали, Саллас, давным-давно, когда его отсюда выперли! Я человек свободных взглядов, но всему есть предел.

Серебристое тело снова ползет и поднимается на колени. Омар Луп переносит вес с одной ноги в резиновом башмаке на другую и поводит плечами.

— погоди, Омар... — Аик пытается встать перед старым Лупом.

— Отойди, Саллас. Это семейное дело.

— Пожалуйста, папа Луп, ну пожалуйста, пожалуйста. — Мужик сплетает руки перед окровавленным носом. — Меня понесло, когда я увидел, как она с этим раста-ублюдком. Но теперь я в норме, все окей. Вообще-то, — поразительно, но сквозь кровь на лице

вновь проступает та же вялая поддобоострастная улыбка, — эта бедная цаца мне жена.

Хруст. Омар отпрыгивает в сторону, новый апперкот. Голова серебряного трещит и болтается, но он остается на коленях, подставляясь под следующий удар.

Не разжимая зубов, Айк набирает в легкие новую полноценную порцию воздуха — теперь придется хватать старика Лупа.

— Стоп, Омар... — Айк обвивает руками бочкообразный торс, морщась от вони табачного сока и свинины. — Хватит.

— Айзек Саллас, лучше ты меня отпусти! — Торс еще перетаптывается, голова примеряется для нового удара. — Я ценю твою заботу, но это семейное делооооо!

Просунув руки Лупу под мышки, Айк запирает его шею в полный нельсон. Омар Луп выкручивается и рычит, грозя страшными последствиями, если его сейчас же не отпустят. Айк держит крепко и ждет: ударить рукой старик не может. Но ничто не удерживает его ноги. Армированный резиной носок ботинка погружается с размаху в голое брюхо серебряного. Айк крепче сжимает нельсон, дивясь стариковской силе.

— Я буду сжимать сильнее, Омар, — хотя на самом деле он уже не уверен, что сможет удержать этого мелкого дьявола, — придется зажимать, пока ты не...

Но тут, как избавление от неуверенности, а заодно и от других забот, за их спинами чудесным образом возникает луч света. Он исходит из ниоткуда и выбивает звезды прямо у Айка из-под черепа. Он успевает повернуться как раз в ту секунду, когда девица Луиза поднимает большой фонарь для нового удара. Снова мягкий звездный дождь. С вершины холма доносится пронзительный хохот. Такие шутки они любят больше всего, эти вороны: спасенная дева открывает глаза, и кого она видит — героя? Рыцаря, освободителя? Ничего подобного. Она видит, как злодей в красных кальсонах ломает шею ее папе, а рядом в куче мусора валяется истекающий кровью муженек. Перед этим она, естественно... впрочем, к делу не относится. Это лишний раз подтверждает — а то нет: не трогай джинна! Как бы он ни стонал, как бы ни рыдал... оставь его как есть, сам знаешь с чем.

А не то смеяться будет сам знаешь над кем.

Может, Айк и посмеялся бы с ними вместе, если бы снова не провалился в подводную серость.

2

Свинячья история, утиные желоба
и полотенце, пропитанное ромом

Это свинячье семейство обитало на свалке на несколько десятилетий дольше всех своих соседей. Привезенное в Куинак поросятами, оно первоначально разместилось в неудавшемся складе-леднике на углу Док и Бэйшор. Как и сам ледник, поросята были собственностью Пророка Пола Петерсона.

— Бекон из рыбьих потрохов! Золото из отбросов! Я предрекаю, что, не пройдет и года, морская свинина Петерсона разоидет-ся по всей территории.

Подобно многим знаменитым пророчествам Петерсона, это предвидение сбылось, но не совсем так, как ожидалось. Злополучный склад-ледник, например, возник из провидческого видения о том, как возрастет летом спрос на колотый лед, ведь число заезжих спортсменов-рыболовов, безусловно, умножится, как только Куинак станет международно признанным центром спортивной рыбалки. Петерсон не ошибся. По мере того как истощались запасы Кетчикана, Джуно и Кордовы, все больше спортивных лодок появлялось в Куинаке. Сделало свое дело «Ночное радио», а еще журнал «Поле и река». Так что раскрутка Пола оказалась успешной, деньги собрали. Результатом стал девяностофутовый серый куб, лишенный окон и построенный из блоков пемзы с пенопластовым наполнителем, чтобы хранить в нем холодным лед, который, по проекту Пола, поползет с ледника.

— Единственное каменное здание на сто миль вокруг! — похвалялся он перед инвесторами, стуча об угол щипцами для колки льда. — Сто лет простоит.

Ровно через неделю в Куинак из Норвегии приполз пыхтящий плавучий завод-холодильник, и Великий Северный Ледниковый Банк оказался банкротом, не прошло и ста дней. Много позже норвежские хозяева продали свое предприятие «Морскому ворону» и поселились в Инсбруке.

Умение угадывать победителя, но самому при этом каждый раз вылетать из гонки сломило бы любого неудачливого пророка.

Однако Пола так легко не сломишь. Он умел видеть светлую сторону своего грессбуха. У него ведь имелся большой серый блок, похожий, например, на сейф в ожидании ценностей или на — погодите! вот же оно! — на Свиныю-копилку! Есть же на свете твердый продукт — свинина. Пол же выращивал свиней в Коннектикуте. Грязный бизнес, зато ни один серый волк в него не сунется. И выглядело осмысленно. Зачем возить замороженное мясо из далекого Сиэтла, когда можно растить его прямо здесь, на берегу, на жидких отходах, которые город выбрасывает тоннами? Великолепный способ для инвесторов возместить убытки, равно как и возвести прочный фундамент будущего благосостояния.

Капитал постепенно рос, баржи на откорм приплывали с визгом. Хряки семенили по скатам прямо в большой каменный блок, устремляясь к приготовленным Полом деревянным корытам. Запах потрохов и жабр притягивал их, словно магнит — свиные железки. Визг, драки, жор и наращивание сала слышны были в чистом «Крабб-Потте», где укрывались Пол с деловыми партнерами, выпивая и произнося тосты.

— За морскую свинину Петерсона! По всей территории!

В ту ночь все причастные спали глубоко и крепко. На последовавшем за ней рассвете их что-то разбудило: мощный всасывающий звук исходил словно из темного чрева на другой стороне бухты. Лодки, буи, пирсы и сваи в ту ночь куда-то втянуло — само море словно влилось в чудовищного размера мешок. Звук постепенно стих. Мешок был полон. Затем море полилось назад. Это было цунами 1994 года, через тридцать лет после последнего большого подводного землетрясения. Приливная волна надвигалась, как сотворенный из воды волчище, дуя изо всех сил, через бухту и доки, на всех своих девяноста милях в час; вот и пала целиком передняя стена поросячьего домика, кирпичного, но что с того (ветки, солома и вощенная бумага как раз устояли), а те визгуны, что уцелели под обломками, умчались куда-то вверх, на твердую землю. Пророк Пол умчался на север.

Свины не прекращали бега до тех пор, пока не добрались до горной границы леса на Куинакской городской свалке. Боров по имени Пригам¹, юный и мормонистый, провозгласил: «Здесь нам

¹ Аллюзия на Бригама Янга (1801–1877) — американского религиозного деятеля, второго президента Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, организатора переселения мормонов в район Большого Соленого озера и строительства Солт-Лейк-Сити.

место», и они стали окапываться. Столетней высоты кучи тлеющего мусора дали им кров и пищу. А те, кто за пару следующих сезонов пережил мерзкую погоду и гадов-медведей, стали в конце концов крепкими прародителями свинячьего стада Лупов. Омар Луп наткнулся на хряков случайно, когда разгребал куинакский мусор. Он был профессиональным игроком в кегли, чем гордился, но много больше денег зарабатывал как старьевщик-любитель. Он гонял свой безбортовый «шеви» взад-вперед по побережью, вечерами катал по кегельным дорожкам особо удачливый мяч из красной резины, а днем объезжал на том же безбортовом грузовичке разнообразные свалки, выискивая, что бы такое задешево купить и чуть менее задешево продать. Сети по большей части. Столько рыбаков выбрасывали вполне еще годные сети, вместо того чтобы потратить несколько минут на их чистку и починку. Луп любил жить широко, знал наперечет все кегельбаны и свалки городка — подобно тому как бездельник-серфер знал бы наперечет все пляжи и бары — и слал каждый месяц в Джуно достаточно денег, чтобы держать детей и миссус подальше от своего горба. Лупу нравилось парить свободно и независимо, он намеревался продолжать так и дальше. Однако в то утро, когда, повернув за угол ее курящегося величества, Куинакской свалки, он разглядел среди тлеющих обломков этих диких свиней — первобытных, обгорелых, доисторических тварей с бронированной шкурой и щетиной с восьмипенсовые гвозди, как они заглатывали целиком лососевые головы вместе с пластиковыми молочными бутылками и памперсами, — намерения Омара пришел конец. Это был нужный ему размах, и это была скотина его породы.

Наведя справки, он узнал, что стадо свиней превратилось в своего рода охраняемый вид. О них писали в «Железной хватке». Город ими гордился. Они олицетворяли собой тех, кто пережил толчок девяносто четвертого, не говоря про годы медведей, комаров и морозов. Они выжили, зарываясь в *тлеющие угли*, вот эти козявки!

— Должен быть хозяин, — настаивал Омар.

Кто-то вспомнил, как старый Пол Петерсон привез их в Куинак, однако Пол исчез. После толчка он развалился на части, как тот ледник. Последнее, что о нем говорили, — он в Анкоридже, в лечебнице для невротиков.

Омар Луп сел в свой грузовик и некоторое время спустя обнаружил Пророка Пола недалеко от Уиллоуса, где тот рулил сетью мотелей для рулящих нефтепроводом работяг. Самая грязная по-

рода — рабочие нефтепровода: каждый за день производил кучу хлама из одних только пивных банок, не считая другого мусора. На этот раз раскручивать пришлось самого Пола. Годный безбортовой грузовик стоил три тонны по «Синей книге»¹, \$2500 запросто, самое то для рулежного бизнеса. Справедливая цена за блочный дом с тремя стенами. Пол согласился; двадцать пять сотен — нормальные деньги, и, конечно, чертовы неблагодарные свиньи тоже включены в сделку, где бы их ни носило. Он про них и думать забыл.

Имея в собственности ледник, Омар получил ссуду на развитие малого бизнеса и заплатил ей первый взнос за бесполезную свалку и примыкающие к ней едкие территории. На части этих земель рос лес, половину которого Омар продал, а на вырученные деньги заключил контракт по превращению ледника в кегельбан на шесть дорожек. Он знал полдюжины заколоченных кегельбанов, откуда можно было забрать мебель и оборудование — если что-нибудь напести, то почти задаром; в самом же леднике не хватало только сортира, передней стены и неоновой вывески. Омар не рассчитывал на крупный профит — это мало кому удавалось. У него были другие идеи.

Из остатков леса Омар с сыновьями построили примыкающий к свалке сарай, служивший Лупам одновременно бойней и ночлежным баракком. Он стоял достаточно высоко над землей, чтобы свиньи не забирались внутрь, и достаточно низко, чтобы поросята могли спрятаться под полом. Со временем построили отдельный ночлежный барак, который со временем стал новой, более просторной бойней. Потом еще и еще, пока вся конструкция не превратилась в лабиринт из построек и переходов, расползшихся деревянным ленточным червем от свалки к вырубкам.

В новейшую пристройку вселились, как обычно, Луиза Луп и ее мать, Омар с ребятами ютились в старых сегментах. Эта новая часть именовалась столовой, хотя ее с одинаковым успехом можно было звать столовой, гостиной, прачечной или кухней. Дверной проем между ней и остальными помещениями завесили разрезанным пластиком — вертикальными полосами внахлест, толстыми, как прозрачная шкура. Со стороны джентльменов этот пластик

¹ «Синяя книга Келли» (*Kelley Blue Book*, с 1926) — компания в Калифорнии, которая занимается оценкой стоимости транспортных средств в зависимости от марки и года выпуска.

был заляпан запекшейся кровью и табачным соком, со стороны дам — украшен наклейками-бабочками. Одной дамы, вообще-то. Мать уже больше года обитала вдали от запекшейся крови и мусора, восстанавливаясь после нервного срыва в одной из анкориджских лечебниц. Одни утверждали, что причиной срыва были свиньи, другие — что кегли. Радиотарелка Лупов редко переключалась на что-то, кроме «Баксов за кегли».

Бабочек придумала Лулу; она утверждала, что с ними пятна на пластике выглядят как букеты красных роз. Не имея ничего против крови и жвачки, она все же предпочитала им цветы и бабочек. На самом деле они нравились ей так сильно, что этот мотив вскоре распространился не только на разделительные полосы пластика. Бабочки украсили изоляционную прокладку между необшитыми стойками. Бабочки прилепились к открытым переплетениям проводов и к слоям грязного вискина, прикнопленного к окнам; бабочки были повсюду — от фибролитового потолка до фанерного пола. Тысячи.

Вышитые бабочки украшали оба пушечных жерла ее любимого орудийного лифчика — она надела его специально сразу после случившегося в фургоне конфуза. Этот бабочковый бюстгальтер и увидел первым делом Айк, когда всплыл наконец на поверхность из забвения, моргая и задыхаясь. Безграничный серый холод уступил место бутылочной духоте — воздух был такой горячий, что чувствовался как поцелуй пара. Голова Айка лежала на нежных коленях примадонны, ворковавшей так, будто в нем наконец-то признали героя.

— ...ну а когда вы потом повернулись и я вас наконец рассмотрела... никто бы вас тогда не узнал даже при дневном свете. Ну что делать, вы же были весь исцарапанный! Ну все равно, простите, я так виновата, что вас стукнула. Я не знала. Или судите меня, или давайте прощайте.

За бабочками он рассмотрел Луизу Луп. Похоже, она так извинялась уже давно. Она подняла влажное полотенце, заглянула Айку в лицо и улыбнулась.

— А вообще, я хочу сказать: я вам так благодарна, что вы приехали, — она сжала полотенце и добавила: — сосед. — В рот ему полилась жидкость. Он попытался сесть, но Лулу прочно удерживала его лифчиком двенадцатого калибра. — Не волнуйтесь, это всего лишь ром. «Один-пятьдесят-один». Я позвонила Радисту, и он ска-

зал, что это хороший дезинфектант, не хуже, чем вас лечили тогда в больнице «Свободные дочери». Лежите тихо...

— А где все?

— Все разъехались. Эдгар с Оскаром повезли этого моего ненормального бывшего к лейтенанту Бергстрому — может, посадит его за оскорбления и рукоприкладство. Папа — он поехал на автоцистерне в доки за рыбьими потрохами. От этого шума кабаны совсем свихнулись.

— В доки? — Айк резко сел. — Черт, сколько сейчас времени?

— Столько, сколько вам надо, чтобы лежать и отдыхать. Радист сказал, нужно остановить кровь во всех ранах, а самого раненого держать в тепле и покое.

Айк застонал. Радист — это доктор Джулиус Бек, проктолог из Сиднея с отобранной лицензией, которого на родине звали доктор Невсебек, а иногда даже доктор Совсемневсебек. Здесь его знали как Радиста из-за его коротковолновой станции, установленной где-то в округе, — он транслировал сомнительные медицинские советы, а также краденый регги и риф-рэп. Он сильно заикался и, прорвавшись со своими нерегулярными трансляциями в любительский диапазон, всегда представлялся: «Првет м-м-мореманам. Г-г-г-говорит „Р-рыболовная с-с-с-сеть“!»

— И еще все время проверять зрачки, нет ли сотрясения, — добавила Лулу.

Наклонившись со скалы собственного тела, она вперила взгляд Айку в глаза. Она была крепкой и приземистой, как отец и братья; лицо, однако, приятное, порозовевшее сейчас от жары, обрамлено медовой дымкой тонких кудряшек. Она напоминала Айку тележку со сладкой ватой. Смеясь над его возмущенными криками, она выжала на него новую жгучую струйку рома.

— Вы только посмотрите на этого большого Бандита Отдачи: такой знаменитый — и такой неженка, не могу поверить. — Потом кокетливо добавила: — И я совсем не понимаю, как этот слизняк, мой бывший, мог так сильно вас уделать.

— Слизняк? Да в нем веса на двести тридцать! Дай мне встать, Лулу, у меня дела.

— Он просто меренга, — сказала она. — Банановый крем со стазоном. Ничего бы он вам не сделал, мне ли не знать. — Она покачала головой от вида Айка и снова вздохнула. — Хорошо бы он не заразил вас какой-нибудь инфекцией.

Она отвернулась намочить полотенце. Бутылка с ромом угнездилась в большом сугробе из медицинских оберток — видимо, чтобы не нагревалась. Пока Луиза откручивала крышку, Айк вывернулся и наконец сел прямо. Он разглядел под собой мятое одеяло, окантованное подушками и бабочками. Посередине комнаты стоял стол из красной формайки, весь в круглых пятнах грязных бумажных тарелок. Некоторые тарелки расположились археологическими слоями, перемежаясь с пищей недельной, а то и большей давности. Бумажные стаканы со следами бывшего питья вложены друг в друга стопками. Другие бумажные тарелки, а также апельсиновые корки, яблочная кожура, молочные упаковки и коробки из-под пиццы громоздились под столом. Лулу заметила, что Айка захватило это зрелище.

— Уже скоро надо убирать. Свиньям нравится, когда тарелки немного вылежатся. Наверное, им так вкуснее.

Айк нашел одну унту и натянул на ногу. Девушка со вздохом вернула бутылку в гнездо, признав, что лечение закончено. Она встала и, пока Айк пинал ногами мусор, разыскивая второй меховой башмак, ходила за ним следом. Когда он наклонился, чтобы обуться, Луиза провела рукой у него под терморубахой.

— Вы такой потный, мистер Саллас. Вам надо успокоиться и поменьше скута. Так все в городе говорят.

— Господи, Лулу, еще бы я не был потный, — выдохнул Айк. — У вас тут как в печке.

— Папе нравится, когда тепло, — согласилась она. — Но вам все равно надо поменьше скута. Я никогда не вижу вас в «Крабб-Потте» на шоу с девушками, например. Вам не нравятся девушки, мистер Саллас?

— Мне вполне нравятся девушки, Луиза. — В некотором смысле он был благодарен ей за это простодушное заигрывание — оно помогало ему прийти в себя. — Вообще-то, на рассвете у меня было назначено свидание с Алисой Кармоди, мы собирались с ней порывачить. И я уже опоздал.

— Как-то я не уверена, чтобы Алиса Кармоди считалась девушкой, — сказала Лулу и выпятила нижнюю губу. — Зато я уверена, что эти ваши лососи могут минутку и подождать.

— Лососи — могут. Алиса Кармоди — нет. — Он наконец вычислил входную дверь, спрятанную за водяным обогревателем; струей ударил холодный воздух. Перед тем как уйти, Айк обернулся к Лу-

лу, стоявшей с надутым видом в узком дверном проеме. — Тебе не страшно, что этот хмырь еще здесь?

— Вы просто прелесть! — Она перестала дуться и улыбнулась. — Не волнуйтесь, он обычно держится в руках. Просто как бы растерялся: пришел, когда его никто не ждет, а мы с вашим дружком Гриром заняты, ну, козлиными танцами, так у них на Ямайке это называется. Мне не страшно. Подумаешь, меренга. Если что, Эдгар с Оскаром вобьют в него ума. Клянусь, мне и в голову не могло прийти, что он заявится после прошлого раза, он же не совсем дерево. Папа говорит, он меченый. Как порча Ионы, знаете? Папа предупреждал меня с самого начала, что все они с порчей. Такими уродились. Я, понятное дело, не верила. Мне ж всего пятнадцать лет было, и он казался, ну, особенным. Теперь, надо сказать, я, пожалуй что, с папой согласна: они с такой меткой рождаются.

— Спасибо, что вылечила, — сказал ей Айк.

— Всегда пожалуйста. Спасибо, что выручили. — Вымоченным в роме полотенцем она оттерла с шеи пот. — Надеюсь, вы не подхватите вирус оттого, что выскочили на холод так быстро. Папа заставляет нас все время топить эту старую печку. — Перестав вытираться, она подула внутрь лифчика, сначала в одну чашку, потом в другую, словно остужала миски с супом. — Бедная девушка может умереть от теплового удара.

Фургон не было. Зная Грира, Айк не ожидал ничего другого. Он поспешил к джипу, перескакивая с одного заиндеветшего холмика травы на другой, чтобы уберечь унты от тающей весенней грязи и разбросанного повсюду хлама.

Джип застыл намертво, как камень. Однако припаркован он был передом к отростку дороги и на достаточном склоне, чтобы завестись на реверсе. Дав мотору немного прогреться, Айк покатил к дороге. Проскакивая мимо тлеющих гор, он не увидел там знаменитых свалочных свиней. Визгливый припев, яростный и истеричный, раздавался над вершинами. Лулу не ошиблась: шум действительно их раздражил, и теперь они требовали свою долю мусора.

Айк подъехал к своему ракушечному дворику, дал джипу прокашляться и оставил работать на холостых. Затем подобрал со ступенек пистолет и после секундного раздумья сунул его в висевший за дверью ящик для цветов.

Свет в холодном трейлере был по-прежнему сер. Старый пес лежал так же, как Айк его оставил, уткнув бороду в подогнутые

Литературно-художественное издание

КЕН КИЗИ

ПЕСНЬ МОРЯКА

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Анастасия Грызунова

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Юлия Теплова

Подписано в печать 06.11.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-23788-01-R